

Сироткина Т. А.

ОППОЗИЦИЯ "СВОЙ" - "ЧУЖОЙ" В РОМАНЕ Е. ТУРОВОЙ "СЛЕЗЫ ЛИСТВЕННИЦЫ"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/80.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 195-196. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Как известно, противопоставление «свой» - «чужой» является одним из самых древних в картине мира любого народа. По этому принципу происходило деление не только в пространственном отношении, но и в социальном, этническом плане.

Роман Евдокии Туровой «Слезы лиственницы» повествует о жизни крестьян-староверов Оханского уезда Пермской губернии. Поэтому в языке персонажей этого романа оппозиция «свой» - «чужой» проявляется особенно отчетливо, ведь старообрядцы очень дистанцировались от окружающих. Звучит это противопоставление и в словах автора. Являясь потомком крестьян-староверов, Е. Турова с уважением и пониманием относится к позиции старообрядцев, и вместе с тем умеет представить в романе другие взгляды, картину мира не только русского населения деревни, но и вогулов, вотяков и т.д.

Рассмотрим, каким образом вербализуется названная оппозиция в языковой картине мира русских героев романа.

Одной из особенностей функционирования этнонимов является генерализация этнонимического значения. Так, лексема *немец* означает не представителя определенной национальности, а чужого вообще: « - Вы-хлебат, сколь ни поставь. Обык он уже, Дуро-то. А не поставишь - ничё будто и не понимает, глядит. Чё ему - немец. - Не немец. Хранцуз. - Да всё одно - немец» [Турова 2007: 101].

В картине мира разных народов отмечены следующие черты этнических образов соседей:

1. Особенности вероисповедания: «Тятя и сказывал про Вотяцку гору. Не проста гора-то была - молельна гора у вотяков» [Турова 2007: 167].

2. Отличительные черты антропонимикона: «А тетя Руми? Имя какое-то нерусское, я и не знаю таких в деревне» [Турова 2007: 203].

3. Особенности характера и поведения: «Как у русского чё выпросить, русский знают, а чуть чё - сразу по-русски плохо! Шибко оне хитрые, вот чё» [Турова 2007: 206].

4. Внешние отличия: «Оня скоро затосковала среди русских. Какие они некрасивые: лица белые, глаза круглые!» [Турова 2007: 211]; «Вотяки народ некрупный, светлоглазый, с жидкими светлыми волосами» [Турова 2007: 225].

5. Языковые особенности: «Русские же умеют разговаривать только словами, они знают очень много слов. Как можно знать столько слов? Трудно разговаривать с русскими» [Турова 2007: 211].

6. Отличия в обрядах и традиционной культуре: «Оня собралась в далекую страну Ымме. Пусть русские глубоко закапывают в холодную землю своих умерших. Она не хочет туда» [Турова 2007: 217].

Вместе с тем автор отмечает толерантность жителей, их понимание того, что каждый народ вправе иметь свою культуру и традиции: «В пермяцких деревнях тайком вырезали из дерева старых идолов, ходили к старинным чудским ямам. «Оне так живут, а мы едак, кому ведь чё», - вот основное жизненное правило, произносившееся тут по-русски, по-пермяцки, по-вотяцки» [Турова 2007: 168].

Особенно подробно описывается в романе одна из этноконфессиональных групп русских - старообрядцы. По наблюдениям историков, «по числу старообрядцев Пермская губерния в XIX веке занимала одно из первых мест в России» [Черных 2007: 12].

Когда один из героев романа, иностранец Пьер Дюро, «в первый раз заехал к староверам, он подумал было, что попал в другую страну» [Турова 2007: 104].

Чем отличаются старообрядцы?

Во-первых, своей хозяйственностью: «Староверческая была деревня-то, богатая, ленивых да нищих не бывало. Рубили много, жили как-то по совести» [Турова 2007: 230]. Поэтому и продукты у них были всегда лучше, чем у других: «Все до единого в Оханске знали, что покупать на ярмарке мед или муку лучше у этих самых раскольников. Мед уж точно будет без крахмала, а мука - без песка» [Турова 2007: 104]. Вместе с тем они признавали не все продукты, которые ели русские: «Старики-староверы картошку не садили: мол, она нам ни к чему. Картофель называли кобелиными яйцами, бесовским хлебом или похотной сладью» [Турова 2007: 172].

Во-вторых, самоуважением: «Дюро и сам заметил: спина у этих староверов прямая, как будто доска сзади приколочена. В присутствие такой зайдет, шапку съмет, а чтоб в пояс - никогда» [Турова 2007: 104]. Это самоуважение во многом продиктовано опять же их хозяйственной независимостью: «Пермского кержака упертого, его ведь не нагнешь. Он от земли этой суровой умеет взять и пропитание, и одежду» [Турова 2007: 123].

В-третьих, обособленностью жизни: «Староверы так-то к себе никого чужого не пускали, а для всяких проверяющих была построена отдельная, мирская изба» [Турова 2007: 108]; «Воды из колодца чужому не дадут, а то, мол, колодец опоганится. Староверы, одно слово» [Турова 2007: 219].

В-четвертых, набожностью: «И чего хорошего к староверам идти: у их только и знай - молиться да рубить» [Турова 2007: 118]. Но набожность эта не сводилась к чтению религиозной литературы: «Не по силам человеческому уму постигать Господни слова, так староверы думали. Убеждены были, что, если Библию до конца прочитаешь, умом непременно тронешься» [Турова 2007: 139].

В-пятых, особенностями внешнего вида: «Да и как-то не мог он там без бороды, со «скобленной рожей» объявиться. Это ж для старовера - все равно, что без штанов» [Турова 2007: 153].

Старообрядцы могли отличить «своего» даже по взгляду: «Глаз у ей какой-то ненашенский, думалось иной раз. У старовера глаз круглый, твердый, глядит - не сморгнет. А у Татьяны глаза длинные, аж с лица будто загибаются» [Турова 2007: 140].

Одним из старообрядческих согласий, представленных в Оханском районе, были так называемые *бегуны*: «Иной раз встанет деревня, живет зиму-другую, а потом в ночь снимется и убретет - бегуны, они и есть» [Турова 2007: 136]; «Бегуны не признавали ни священства, ни брака, уходили-убегали в глухие леса, в поиски Беловодья, в глухое «нетовство» [Турова 2007: 154].

Автор романа, являясь потомком старообрядцев, высказывает устами героев и свои взгляды на старообрядчество: «Чистоплотность, трезвость, семейственность и целесообразность всей жизни - отжившая традиция?! Где это она, интересно, в России бытовала и уже отжила? До кержацких-то традиций никто еще в России и не дожил» [Турова 2007: 177].

Интересны для читателей романа моменты, связанные с пермской чудью - народом, который ученые считают предками современного финно-угорского населения Прикамья: «Говорят, что водился тут раньше по лесам такой мелкий народец, рослому мужику по колено, - чуды, чудь белоглазая» [Турова 2003: 116].

Чуды для русских - нечто вроде духов, которые могут быть злыми, если с ними не ладишь, и добрыми, если подружишься: «Филипп Логинович отправляет Григория с семьей на дальнюю пасеку, к чудам. Чуды стерегли пасеку от медведей и бродячего народа»; «Что ни начнешь на пасеке делать али топором рубить, обязательно несколько чудей придут - удивляться. Чудь, одно слово» [Турова 2007: 155]; «Чудам очень любопытны были большие люди. Большие частенько обижали их, поэтому чудь научилась прятаться и начала разбираться в добре и зле... А если к ней без злобы и насмешки, то нет лучше друга, чем чудь» [Турова 2007: 160].

Таким образом, роман Е. Туровой ярко репрезентирует оппозицию «свой» - «чужой», существующую в картине мира народов, населяющих Пермский край.

Данная оппозиция является жизненно важной для такой этноконфессиональной группы русских, как кержаки. По некоторым признакам они близки казакам - этносоциальной группе русских, которых Е. В. Брысина называет социальными интровертами, что означает «обращенность внутрь своей малой первичной группы» [Брысина 2003: 179].

Старообрядцы также являются социальными интровертами, что позволяет им выжить в тяжелых условиях и сохранить отличительные особенности своей культуры, уклада жизни и религиозных традиций.

Список использованной литературы

1. **Брысина Е. В.** Этнокультурная идиоматика донского казачества / Е. В. Брысина. - Волгоград: Перемена, 2003. - 293 с.
2. **Турова Е.** Кержаки. Проза / Е. Турова. - Пермь: ООО «Маматов», 2007. - 320 с.
3. **Черных А. В.** Народы Пермского края. История и этнография / А. В. Черных. - Пермь: Изд-во «Пушка», 2007. - 296 с.

ЖАНР УТОПИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ ЖАНРА)

*Тараканова А. Д.
Магнитогорский государственный университет*

Долгое время исследователи уделяли недостаточное внимание утопии, научный интерес к этому жанру появился лишь в конце XX в. Цели данной статьи следующие: представить обзор основных этапов развития жанра утопии в русской литературе и выявить на каждом из них основные содержательные аспекты.

Жанр литературной утопии формировался во многом под влиянием устного народного творчества. «Долитературная утопия означает в основном фольклорные виды: легенды, сказания, духовные стихи, предшествующие профессиональной литературе или бытующие одновременно с ней» [Мильдон 2007: 7]. А.Ф. Любимова отмечает, что, с точки зрения исторической поэтики, утопия тесно связана с фольклором; как большинство фольклорных жанров, утопия канонична, ее структура не подвергается изменениям. Сюжет утопии восходит к фольклорным архетипам. Так, в сюжете утопии заложены архетип «золотого века», мотив идеального правителя, сказочного материального изобилия и торжества единых моральных законов, избавляющих человека от проблемы нравственного выбора [Любимова 1994: 92].

Среди национальных истоков утопического жанра в русской литературе исследователи называют путевую литературу и народные легенды. К. В. Чистов выделяет два типа социально-утопических легенд: о царь-избавителе и о далеких землях. Отличительными чертами этих легенд были специфические социальные и политические функции, особый вид взаимоотношения с действительностью. Социально-утопические легенды выделялись среди других фольклорных рассказов несказочного характера тем, что в них рассказывается не только о существующих событиях, но и о тех, которые могут произойти в будущем. Именно это качество